

На правах рукописи

ЭДЕЛЬМАН Ольга Валериановна

ИСТОРИЯ СЛЕДСТВИЯ НАД ДЕКАБРИСТАМИ
И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ

Специальность 07.00.02 - отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Москва, 2008

Работа выполнена на кафедре Истории России XIX-начала XX века
Исторического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель

д.и.н., профессор Мироненко Сергей Владимирович

Официальные оппоненты:

д.и.н., главный научный сотрудник Отдела истории России XIX - нач.
XX вв. Государственного Исторического музея Бокова Вера
Михайловна

к.и.н., доцент кафедры региональных исследований факультета
иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова
Карацуба Ирина Владимировна

Ведущая организация

Институт Российской истории РАН

Защита состоится 16 сентября 2008 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета
Д 501.001.72 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по
адресу: 119992, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, 1-й учебный корпус,
ауд. А-416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. А.М. Горького
по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных
факультетов.

Автореферат разослан _____ 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
д.и.н., доцент

Г.Р. Наумова

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Движение декабристов остается одной из ключевых тем российской истории. Библиография его насчитывает тысячи работ и продолжает расти. Большинство исследований так или иначе опирается на материалы следствия над декабристами. Следствие явилось важным финальным этапом истории декабристских обществ. Кроме того, как известно, восстание декабристов и следствие над ними сыграли немалую роль в формировании характера политики императора Николая I, одновременно именно эта ситуация дала повод для манифестации характера и принципов нового царствования.

Между тем, следствие по делу декабристов как таковое изучено слабо. Нет ясности в понимании общей его истории, целей и задач власти, решавшихся во время расследования; не ставился вопрос о периодизации и динамике процесса, длившегося более полугода, организационных, делопроизводственных, юридических принципах, лежавших в его основании. Биографы отдельных декабристов описывали ход расследования в отношении своего героя, но нет общей картины и зачастую невозможно до конца уяснить значение и смысл череды допросов данного декабриста в контексте всего следствия. А этот контекст остается неисследованным. К тому же историк вынужден опираться главным образом на сами следственные материалы, а это, как известно, источник чрезвычайно сложный, многоплановый, трудный для интерпретации, тем более когда речь идет о процессе политическом. Понятно, что в показаниях заведомо не говорят всей правды, однако, проблема их достоверности этим не исчерпывается. Очевидно, что в условиях следствия человек говорит не о том, *что было*, - а о том, *о чем его спрашивают*. Тему, направление следствия определяет допрашивающий. Мы видим в итоге не столько картину событий как таковую, сколько ту часть картины, которая оказалась интересна следствию.

История декабризма видна нам через искривленную линзу следствия, а чтобы оценить степень искажения и восстановить очертания реальных событий, мы должны призвать на помощь весь арсенал исторического исследования, с максимальной тщательностью установить, как происходило следствие, каковы были его цели, условия, юридические формальности, делопроизводственные особенности. История следствия важна не только сама по себе, но и для всей истории декабристского движения, а также понимания истоков внутренней политики Николая I. Совокупность происходившего на следствии способствовала созданию образа декабризма, такого, каким мы его видим.

Степень изученности проблемы. Историография следствия над декабристами ограничивается весьма небольшим числом заглавий. Показательно, что в классическом двухтомном труде М.В. Нечкиной “Движение декабристов” глава о следствии, суде и приговоре декабристам занимает всего 35 страниц¹. Практически ни одна биографическая работа о том или ином декабристе не может обойтись без рассказа об аресте и допросах², изучение каких-либо сторон деятельности тайных обществ неизбежно подразумевает обращение к материалам следствия. В то же время собственно процессу следствия посвящено считанное число статей³ и лишь одна специальная монография - книга В.А. Федорова “Своей судьбой гордимся мы...”: Следствие и суд над декабристами” (М., 1988). Трактовка темы В.А. Федоровым вполне соответствует традиции ее рассмотрения в советской историографии. Он собрал практически все доступные источники о следствии и суде, ввел в оборот ряд новых документов. Подытожив достижения предшествовавшей историографии, книга В.А. Федорова одновременно свидетельствует о пределах ее возможностей, о том, что дальнейшее развитие темы требует пересмотра устоявшихся мнений, постановки не затронутых ранее проблем, а также новых исследовательских методик.

¹ Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. II. С. 392-426.

² В качестве классических примеров можно привести биографические статьи-предисловия к томам иркутской серии “Полярная Звезда”, статью М.К. Азадовского о братьях Бестужевых и примечания к тексту их записок (в кн.: Воспоминания Бестужевых. М. -Л., 1951), соответствующие разделы книг Н.М. Дружинина “Декабрист Никита Муравьев” (М., 1933; переизд.: Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в.: Избранные труды. М.: “Наука”, 1985. С. 5-304), С.Б. Окуня “Декабрист М.С. Лунин” (Л., 1985, 2-е изд.), Н.Я. Эйдельмана “Лунин” (М., 1970) и “Апостол Сергей” (М., 1975), книгу М.В. Нечкиной “Следственное дело А.С. Грибоедова” (М., 1982), ряд работ С.Я. Штрайха, статью С.Н. Чернова “Из работы над показаниями С.П. Трубецкого на следствии” (в кн.: С.Н. Чернов. У истоков русского освободительного движения: избранные статьи по истории декабризма. Саратов, 1960. С. 390-407) и др.

³ Покровский А.А. Следствие над декабристами // Восстание декабристов. Т. 1. М.-Л., 1925. С. XIII-XIX; Эйдельман Н.Я. Журналы и докладные записки Следственного комитета по делу декабристов // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 159-176. (Переиздание: Эйдельман Н.Я. Удивительное поколение. Декабристы: лица и судьбы. Санкт-Петербург, 2001. С. 227-251); Мироненко С.В. Журналы и докладные записки Следственного комитета по делу декабристов // Восстание декабристов. Т. 16. М., 1986. С. 9-26; Артемьев С.А. следствие и суд над декабристами // Вопросы истории. 1970. № 2. С. 115-128; № 3. С. 112-118.

В отечественной культуре и историографии глубоко укоренилось возвышенное, несколько идеализированное и романтизированное отношение к декабристам, они стали восприниматься как образец самоотверженного служения интересам народа, как нравственное мерило. Тяготеющее к революционности общественное сознание отказывало царизму в праве судить декабристов, а их казнь и ссылка расценивались как расправа. История следствия, таким образом, превращалась в историю их благородного мученичества. Когда после революции 1917 г. стали доступны архивы следствия, воспитанным на поведенческих нормах позднейшего революционного движения историкам оказалось сложно совместить пиетет к декабристам с тем обнаружившимся обстоятельством, что декабристы давали на следствии показания, и часто весьма откровенные. Этот конфликт восприятия породил отдельную проблематику и стал в высшей степени плодотворным, дав тонкие и глубокие работы в области истории коллективного сознания, ментальности и семиотики поведения людей той эпохи⁴. Обратной стороной медали стало то, что обсуждение нравственных и психологических проблем поведения декабристов на допросах заслонило собою все прочие стороны истории следствия. К тому же на исследователей влиял унаследованный от дореволюционной традиции антисамодержавный пафос, поддерживаемый одновременно как советскими идеологическими установками, так и искавшей исторических аллюзий либеральной интеллигенцией. Казалось очевидным, что декабристов карала власть неправая, деспотическая и незаконная, детальный анализ ее действий представлялся избыточным. Лежавшая в основе дела декабристов политика Николая I оставалась проблемой не только неизученной, но и практически не ставившейся.

В итоге, при том что движение декабристов является одной из наиболее тщательно разработанных тем в отечественной историографии, исследователей никогда всерьез не интересовали политика и способы ведения следствия, логика его действий и история расследования.

Цель и задачи исследования. Задача настоящей работы - исследование истории следствия над декабристами. В центре работы - цели и мотивы, логика действия власти: как собственно велось следствие, как оно было организовано и как оформлялось документально. Предметом рассмотрения является порядок деятельности Следственного Комитета, его состав, обязанности и полномочия, штат, распределение обязанностей; что представлял собой Следственный Комитет как учреждение; как осуществлялось руководство следствием на разных уровнях - от планирования каждого допроса до

⁴ См. напр.: Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни: бытовое поведение как историко-психологическая категория // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25-74.

направления процесса в целом - и какую роль в нем играл лично император Николай I; какого рода информация преимущественно интересовала членов Комитета и какова была, преобладающая тематика допросов, а также их динамика и интенсивность на всем полугодовом протяжении дела. Получив ответы на эти вопросы, можно понять, какой отпечаток специфика расследования наложила на следственные материалы и тот образ тайных обществ декабристов, который они рисуют.

Источники. Основным источником для данного исследования являются следственные дела декабристов во всей их совокупности, как опубликованные (Восстание декабристов. Т. 1-20. М.-Л.; М., 1925-2001), так и неопубликованные и хранящиеся в архивном фонде Следственного Комитета (ГА РФ. Ф. 48). Были использованы также отложившиеся в этом фонде делопроизводственные материалы следствия и ряд дел других архивных фондов (ГА РФ, РГВИА), содержащих сведения о следствии над декабристами. Мемуарные источники представлены комплексом воспоминаний декабристов и лиц, участвовавших в расследовании.

Объект исследования движение декабристов, реакция власти на декабризм, история судебно-следственной системы

Предмет исследования реформирование государственной системы России, развитие общественно-политической мысли, формирование юридических процедур

Хронологические рамки исследования включают все протяжении следствия по делу декабристов, декабрь 1825 - июль 1826 гг.

Научная новизна работы заключается в детальном восстановлении истории следствия над декабристами и влияния того, как шло и какие цели ставило перед собой расследование, на характер сведений о декабризме, которые оно зафиксировало.

Методологическая основа исследования. Осуществление данного исследования потребовало комплексного подхода к обработке материала, привлечения ряда современных методик, разработанных исторической наукой и источниковедением. В исследовании общих основ деятельности и организации Следственного Комитета по делу декабристов применены приемы институциональной истории. Анализ показаний и мемуарного наследия декабристов выполнен на основе классического сравнительного источниковедения. Аналитическое осмысление основного для данной темы источника - всей совокупности документов расследования - было бы невозможно без применения методов количественной истории, использования компьютерных баз данных и их математической обработки. Это потребовало создания специальной методики количественной обработки следственных материалов, подхода к ним как к массовому источнику, выбора принципов и модели описания их основных значимых элементов,

дающих возможность формализации данных. Наконец, были привлечены актуальные приемы филологических наук, позволяющие судить о соотношении исторической реальности и описывающих ее нарративов, как синхронных, так и более поздних, а также о влиянии литературной традиции и господствующего стиля на поведение и мировосприятие человека определенной эпохи.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в исследовании способов реагирования власти на оппозиционные выступления в первой трети XIX в., изучении того, какую роль в формировании образа декабристского движения, отраженного документами следствия, сыграли юридические и криминологические представления эпохи и политические цели Николая I и как, с другой стороны, опыт расследования дела декабристов сказался в дальнейшей политике Николая I. Содержание и выводы данной работы имеют практическое значение для исследователей декабризма и истории русской судебной-следственной системы. Разработанные автором методики обработки документов следствия над декабристами могут быть применены для анализа других судебной-следственных материалов, особенно возникших в результате документирования крупных политических процессов с большим числом подследственных.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на кафедре истории России XIX-начала XX века исторического факультета МГУ. Основное содержание диссертации отражено в публикациях, докладах на IV конференции ассоциации "История и компьютер" (Звенигород 15-17 марта 1996), научном семинаре "Декабристы. 175 лет спустя: итоги и перспективы изучения истории движения декабристов" (Москва, Государственный архив РФ, 26 декабря 2000) и выступлении в качестве приглашенного докладчика в Центре по изучению Русского Мира Института наук о Человеке (Centre des etudes du Monde Russe, Institut de l'Homme, SNRS, Париж, 2-6 марта 2007).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы.

Основное содержание работы

Введение содержит постановку проблемы, решению которой посвящена диссертация. В нем обосновываются актуальность и научная значимость избранной проблемы, формулируется цель, задачи и методы исследования, дается обзор историографии и источников по теме.

Глава 1 "Создание Следственного Комитета" повествует об обстоятельствах, в которых началось следствие над декабристами, и рассматривает Следственный Комитет как организацию: его состав, штат приданных чиновников, цели, задачи и приемы деятельности.

Для только что взошедшего на престол императора Николая I восстание декабристов стало неожиданностью. Николай Павлович знал, что существует достаточно сильная оппозиция ему как наследнику престола, но о том, что в России есть тайные политические общества, он узнал лишь 12 декабря из полученного из Таганрога донесения начальника Главного штаба генерала И.И. Дибича. Александр I, располагавший доносами о тайных обществах, поделился этими сведениями только с очень узким кругом самых доверенных лиц - И.И. Дибичем, А.А. Аракчеевым, кн. П.М. Волконским. Великий князь Николай в этот круг не входил. Не знал он и о начатом осенью 1825 г. по распоряжению Александра I расследовании в Тульчине, которое продолжалось уже после смерти императора по указанию Дибича, командировавшего в Тульчин генерала А.И. Чернышева. В дни междуцарствия никого из самых близких к Александру I сановников в Петербурге не было: И.И. Дибич и кн. П.М. Волконский оставались в Таганроге, А.А. Аракчеев отошел от дел. А.И. Чернышев и руководство 2-й армии направляли свои рапорты Дибичу. Ту информацию, которая была в их руках, Николай I получил с запозданием.

К тому же Николай I в первые часы после восстания, начиная следствие над его участниками, еще не знал в точности, на кого из государственных деятелей и высших военных чиновников он мог полагаться. Первоначально допросы мятежников были поручены генералам В.В. Левашову и К.Ф. Толю. 17 декабря Николай I подписал указ о создании специального органа - Следственного Комитета. Сначала он назывался "Высочайше учрежденным тайным комитетом для изыскания соучастников злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря 1825 года", к концу следствия, 29 мая 1826 г., Комитет был переименован в Комиссию. Этот бюрократический нюанс означал, что учреждение носит временный характер.

Ситуация, в которой оказался Николай I после 14 декабря, определила выбор членов Следственного Комитета. Туда были назначены практически все лица, у которых Николай нашел поддержку в предшествовавшие дни. Князь А.Н. Голицын, с которым, как

и с погибшим 14 декабря генералом М.А. Милорадовичем, он советовался после получения донесения Дибича; близкие к Николаю генерал-адъютанты А.Х. Бенкендорф, В.В. Левашов и П.В. Голенищев-Кутузов; великий князь Михаил Павлович, курсировавший между старшими братьями во время междуцарствия и 14 декабря энергично поддерживавший Николая. Председателем Следственного Комитета стал военный министр А.И. Татищев. Симптоматично, что в Комитете не оказалось ни командующего Гвардейским корпусом генерала А.Л. Воинова, ни командующего гвардейской пехотой генерала К.И. Бистрома. Отчасти это объяснялось тем, что как начальники взбунтовавшихся частей они формально несли за это ответственность. Но важно также и то, что оба они сомнительно повели себя 14 декабря. Позднее к числу членов Комитета присоединились прибывшие с юга генералы И.И. Дибич и А.И. Чернышев, дежурный генерал Главного штаба А.Н. Потапов.

Известно, что Николай I внимательно следил за ходом следствия, лично допрашивал некоторых декабристов. Однако, нельзя согласиться с бытующим в литературе мнением, что император непосредственно руководил расследованием. Имеются документы, исчерпывающе показывающие, какая дистанция существовала между царем и Следственным Комитетом. Это докладные записки Комитета Николаю I, из которых очевидно, что он отнюдь не вникал во все детали. Не следует забывать, что только что взошедшему на престол Николаю приходилось срочно осваивать управление империей, входить в курс дел, а непосредственное руководство следствием было задачей не его уровня.

Обилие распоряжений императора, касающихся следствия, было обусловлено не только важностью этого дела, но и тем, что полномочия Следственного Комитета были ограничены и на многие действия он должен был испрашивать высочайшую санкцию. Так, Комитет не имел права ни выносить постановлений об арестах, ни производить их, ни освобождать арестантов. Более того, Комитет и технически не был в состоянии осуществлять аресты, поскольку не имел фельдъегерской службы. Не имел он и права отдавать приказы коменданту Петропавловской крепости, поэтому все распоряжения, касающиеся режима содержания узников, отдавались самим императором. Трактовать эти обстоятельства как непосредственное руководство следствием со стороны Николая I было бы столь же неверным, как и считать, что прокурор руководит следствием, раз он дает санкции на аресты и обыски. Более того, Следственный Комитет обращался к императору даже не напрямую, а через начальника Главного Штаба И.И. Дибича. Дибич и был введен в число членов Комитета, по-видимому, для того, чтобы осуществлять межведомственную координацию действий.

Исключительность ситуации, в которой начиналось следствие над декабристами, заключалась в том, что тогда в Российской империи не было органа политического сыска, который мог бы стать базой такого расследования. Следственный Комитет в организационном отношении возник, так сказать, на пустом месте, он не являлся преемником какого-либо учреждения. Штат, делопроизводство, финансы, юридическая основа, организация работы - все создавалось заново. Тем не менее, несколько генералов, назначенных в Следственный Комитет, сумели буквально в считанные дни организовать его работу. Это могло произойти лишь в том случае, если они воспользовались какой-то знакомой им практикой. И это могла быть только практика производства военно-судных дел и работы военно-следственных комиссий, хорошо им известная. В определенном смысле и сам Следственный Комитет являлся одним из таких учреждений: занимался он следствием по тайным обществам, существовавшим в офицерской среде, возник в связи с восстанием в войсках; кроме князя Голицына, все его члены были генералами, а во главе его Николай I уверенно поставил главу военного министерства. Даже приданные Следственному Комитету чиновники для делопроизводства были набраны не из судебных, как можно было бы ожидать, но в основном из канцелярских служащих военного ведомства, главным образом, из Военного министерства и генерал-кригс-комиссариата.

Высочайше учрежденный Следственный Комитет для изыскания о злоумышленном обществе по характеру своему стал первым из череды появившихся в XIX столетии в России экстраординарных органов политического следствия. В то же время он был наделен чертами традиционных для своего времени военно-судных учреждений; при его создании явно прослеживается стремление власти опереться не на гражданское, полицейское или судебное, а именно на военное ведомство.

Практика работы Следственного Комитета, организация процесса расследования и способы его документирования сформировались уже в первые дни и практически не менялись до конца следствия. Главной формой работы Комитета стали ежедневные заседания, на которые вызывали декабристов для допросов. Перед допросом готовились вопросные пункты - список вопросов. После допроса узнику присылали те же вопросные пункты для письменного ответа, но их могли давать и без вызова в Комитет. Показания зачастую зачитывали на заседании. Вопросные пункты и собственноручные ответы на них декабристов служили основным способом документирования следствия. При противоречиях в показаниях декабристам устраивали очную ставку в Комитете.

В историографии до сих пор практически не обсуждалась проблема, как именно готовились допросы декабристов, кто составлял вопросные пункты, определял стратегию

и тактику допросов. В архиве Следственного Комитета не сохранилось документов, проливающих на это свет: при формировании архива были отсеяны все черновики и рабочие материалы. Предположение, что стратегию расследования диктовал сам Николай I, не выдерживает критики. Члены Комитета во время заседаний могли засыпать допрашиваемого разнообразными вопросами, страшать и увещевать. Но в обстановке заседания невозможно проводить аналитическую работу по подготовке вопросных пунктов, сопоставлять всю массу информации, поступающей из множества ответов, продумывать содержание и форму вопросов, помещать в них определенное количество сведений для демонстрации осведомленности следствия и т.д. Реальная результативность следствия зависела именно от тех, кто составлял вопросные пункты. Довольно очевидно, что этой кропотливой бумажной работой занимались не столько генералы - члены Комитета, сколько работавшие в его аппарате чиновники, на которых историки никогда не обращали особого внимания. Между тем, чиновники эти были отнюдь не юношами для поручений и не простыми переписчиками бумаг, это были люди в годах, с солидными чинами (6-8 класс, самый младший - 12-го класса, компенсировал недостаток опыта университетским образованием), опытом работы, их чины подразумевали достаточно ответственные должности.

По окончании следствия А.И. Чернышев и А.Х. Бенкендорф подали председателю Комитета А.И. Татищеву по докладной записке о награждении группы чиновников. Чернышев представлял чиновников, занимавшихся следствием по Южному обществу и Обществу соединенных славян, Бенкендорф - занимавшихся следствием по Северному обществу. Это дало основание ряду исследователей прийти к заключению, что внутри Комитета следствие по тайным обществам было организационно разделено, Чернышев руководил расследованием по делам южан, а Бенкендорф - северян. Но этой констатацией историки и ограничивались, никогда не выделяя при анализе следственных дел отдельных линий расследования и не задаваясь вопросом, не было ли между ними каких-то качественных различий.

Существование в аппарате Комитета двух групп и специализация следствия по двум направлениям - весьма важное обстоятельство. Сплошной просмотр всех следственных дел позволил на основании подписей Чернышева и Бенкендорфа, встречающихся на вопросных пунктах и показаниях декабристов, выделить три группы дел: 1) скрепленные подписями Чернышева, 2) Бенкендорфа и 3) не имеющие никаких подписей вовсе. Мы насчитали соответственно 100, 89 и 126 дел. Распределение их между Чернышевым и Бенкендорфом не вполне точно соответствовало границам тайных обществ, хотя большинство значительных фигур Южного общества и все Общество

соединенных славян попали к Чернышеву, а основная масса северных декабристов - к Бенкендорфу. Группу дел, документы которых не имели подписей ни одного из генералов, составляют дела на лиц, вероятно, с самого начала представлявшихся маловажными, а также дела, сформированные по тематическим признакам.

Но Чернышев и Бенкендорф подписывали не все вопросные пункты и показания в делах своей группы. В следственных делах декабристов имеется в общей сложности 2083 допросов, из них подписи Бенкендорфа и Чернышева встречаются соответственно на 506 и 635 документах. Остальные, то есть почти половина, - без подписи. Представляется, что наличие или отсутствие подписи указывает на степень значимости допроса, сами генералы составлением вопросных пунктов не занимались, а осуществляли руководство работой подчиненных чиновников в более или менее общем плане. А уже чиновники анализировали и сопоставляли полученные показания, составляли и формулировали вопросные пункты.

Ответы декабристов прочитывались на заседаниях Комитета, но также не все. Судя по делопроизводственным пометам, из 2083 допросов в Комитете были зачитаны 804, это 39% от общего количества. Все остальное обрабатывалось на уровне аппарата. По-видимому, существовала определенная логика, по которой одни документы рассматривались на уровне присутствия Комитета, другие - Бенкендорфом и Чернышевым, третьи же - только чиновниками аппарата. Очевидно, логика эта была основана на представлениях о степени важности того или иного допроса.

Глава 2 "Содержание допросов декабристов" посвящена анализу тематики допросов, для чего потребовалось выработать принципы формализации материала, приемов количественной обработки и специальный тематический рубрикатор. Основной вид документов следствия - "вопросные пункты" - были структурированы уже при их создании: они состоят из набора пронумерованных вопросов. Вопрос и был выбран в качестве единицы подсчета. Элементом учета следующего уровня служили сами "вопросные пункты" - допросы. Исследовался весь без исключения массив материалов следствия (317 следственных дел), как опубликованных, так и неопубликованных и хранящихся в архиве Следственного Комитета (ГА РФ. Ф. 48). Среди общего количества в 2083 допроса насчитывается 1813 вопросных пунктов (остальные 270 - показания, данные декабристами по собственной инициативе, без вопросных пунктов), в них содержится суммарно 5959 вопросов.

Тематические рубрики сложились в процессе эмпирической сортировки встречавшихся вопросов. Они отражают интересы Комитета, не обязательно совпадающие с тем, что считает важным современный исследователь. Например, в них не отыщется

таких проблем, как "декабристские планы послереволюционного переустройства России" или "декабристская критика положения в России". Следственный Комитет этими вещами не интересовался, у него были совершенно другие задачи.

Тематика допросов декабристов

всего вопросов во всех допросах	количество	%
	вопросов	
	5959	100
1. По истории тайных обществ в России до 1821 г.	295	4,95
2. Об актуальном состоянии и силе тайных обществ: их внутреннем устройстве, количестве членов, правилах вступления, составе Думы, заседаниях и т.д.	554	9,3
3. О программной цели тайных обществ	192	3,2
4. О декабристских конституционных проектах	153	2,6
5. О намерении царевубийства	270	4,5
6. Кто из высших сановников покровительствовал тайным обществам	49	0,8
7. На какие войска рассчитывали декабристы, какие полки были затронуты влиянием тайных обществ	216	3,6
8. О неосуществленных планах восстания и покушения на царя	523	8,8
9. О заграничных контактах русских тайных обществ	91	1,5
10. О польских тайных обществах и переговорах с ними декабристов	217	3,65
11. Об иных тайных обществах, существующих в Российской империи (Кавказском, Симбирском и др.)	262	4,4
12. О контактах Южного общества с Обществом соединенных славян	74	1,2
13. О переговорах Южного и Северного обществ	138	2,3
14. О принадлежности к тайному обществу того или иного лица (допрашиваемый выступает в роли свидетеля)	972	16,3
15. Вопросы, направленные на выяснение степени виновности отдельных лиц	154	2,6
16. О восстании 14 декабря на Сенатской площади	635	10,7
17. О восстании Черниговского полка	119	2
18. О вступлении допрашиваемого в тайное общество	351	5,9
19. Разное	702	11,8

Во втором столбце таблицы приведено абсолютное количество вопросов по каждой теме, в третьем - удельный вес вопросов этой темы по отношению к общему количеству.

Рубрики, относящиеся собственно к декабристским организациям (т.е. все, кроме п. 11 и 19) сводимы к трем крупным группам: 1) вопросы, направленные на выяснение сил и возможностей тайных обществ (п. 1, 2, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 18); 2) вопросы о целях и планах декабристов (п. 3, 4, 5, 8); 3) вопросы о состоявшихся восстаниях на Сенатской площади и в Черниговском полку (п. 16, 17). В общей сложности, первая группа включает 3111 вопросов, это 52,2% от всех вопросов, заданных за время следствия, вторая - 1138 вопросов (19,1%), третья - 754 вопроса (12,7%). То обстоятельство, что следствие

приложило достаточно усилий для выяснения действительной силы и влияния тайных обществ, естественно и особых комментариев не требует. Гораздо интереснее, что реально состоявшиеся восстания вызвали меньший интерес следствия, нежели неосуществленные декабристами планы.

Наибольшее количество вопросов было связано с выяснением причастности разных лиц к тайным обществам. Существовала достаточно устойчивая группа декабристов, лидеров Южного, Северного и Славянского обществ, постоянно получавших от Комитета вопросы насчет того или иного лица: следствие относилось к ним как к своего рода компетентным свидетелям. Следственный Комитет уделил много сил выяснению того, что представляют собой тайные общества, какова их сила, внутреннее устройство и т.д. Вопросами их истории Комитет занимался меньше, но и этот раздел нельзя считать обделенным вниманием. Что касается конституционных проектов и других программных документов декабристов, то следствие сначала, как известно, приложило огромные усилия к тому, чтобы получить эти документы в свои руки (прежде всего, рукопись "Русской Правды" П.И. Пестеля), но потом к их содержанию проявило весьма слабый интерес, в программных текстах искали главным образом подтверждения замысла царевубийства. Впоследствии Николай I поручил сделать для него свод показаний декабристов с критикой положения в России. Однако, то обстоятельство, что эта информация оказалась таким образом востребованной, отнюдь не означает, что Следственный Комитет прилагал целенаправленные усилия для ее получения.

В декабристоведческой литературе существует согласие в том, что Николай I не считал возможным (или боялся - в более радикальной трактовке М.В. Нечкиной и других исследователей советской школы) обнаружения истинных мотивов выступления декабристов - отмены крепостного права, введения конституции, реформировании государственного быта, - публике осужденные были представлены как мятежники и царевубийцы. Но мог ли такой политический заказ распространяться и на само следствие, влиять на содержание допросов? В этом был бы смысл, если бы речь шла о публикации материалов следствия или какой-то их части. Но какой смысл фальсифицировать секретное расследование? По документам следствия признаков такой фальсификации не прослеживается. Не заметно ни раздвоения целей следствия (для сведения правительства собирают одну информацию, для демонстрации публике - другую), ни смены его приоритетов на каком-либо этапе, не похоже также, чтобы вопрос о царевубийстве был использован режимом как простое прикрытие стремления расправиться с инакомыслящими. Вопрос об умысле на царевубийство совершенно серьезно и искренне расценивался как наиважнейший, с точки зрения тогдашнего законодательства он

считался покушением на серьезнейшее преступление и давал основание для тягчайшего обвинения заговорщиков. Следствие уделило этой теме немало внимания. Но если беспристрастно отнестись к тому, что говорили об этом сами декабристы как в показаниях, так и в мемуарах позднее, то становится очевидным, что в их планах идея цареубийства не имела столь центрального и основополагающего значения, как то кажется по материалам следствия. Однако в историографической традиции изложения идеологии декабризма сказалось влияние картины, нарисованной следствием: вопрос о цареубийстве получил преувеличенное значение. Историки советского времени использовали его как доказательство "революционности" декабристского движения, парадоксальным образом солидаризуясь в этом с Николаем I.

По тем же причинам, что об умысле на цареубийство, декабристов много допрашивали об их различных "решительных намерениях" - Московском заговоре 1817 года, предложении Лунина создать партию в масках для убийства императора, бобруйском и белоцерковском планах и других замыслах, возникавших в разное время, но так и оставшихся лишь разговорами.

Зато весьма мал против ожидаемого удельный вес тем, которым Следственный Комитет и Николай I не могли не придавать первостепенного значения: о заграничных связях русских тайных обществ и причастности к ним крупных русских сановников. Вопросов об этом немного, как представляется, лишь потому, что все допросы давали отрицательные ответы. А значит, невозможно было развивать тему, допрашивать свидетелей, выяснять детали. Здесь важно оговорить одно обстоятельство. В литературе бытует убеждение, что в рамках следствия над декабристами велось еще одно особое, сугубо секретное расследование, касавшееся как раз причастности к тайным обществам видных государственных сановников и возможной связи русских заговорщиков с правительствами иностранных государств, и что материалы этого расследования затем были уничтожены по приказу Николая I. Однако, внимательный просмотр всего комплекса следственных дел и сравнение его с итоговым документом - секретным приложением к донесению Следственной Комиссии, убеждает в том, что никакого уничтожения части материалов расследования не было, эти документы просто хранятся ныне в следственных делах декабристов. Отдельное секретное дело могло существовать на самых ранних этапах расследования, затем оно было раскассировано по следственным делам.

События 14 декабря находятся в числе тем, вызвавших наибольшее количество вопросов. На их фоне бросается в глаза более чем слабый интерес, проявленный Комитетом к восстанию Черниговского полка. Конечно, в восстании на юге участвовало

намного меньше декабристов, нежели в Петербурге, и событие это было не столь сложным и многофакторным. К тому же, следствие и суд над основной массой черниговцев проходили в Белой Церкви, при главной квартире 1-й армии. Что также свидетельствует о невнимании верховной власти к этому происшествию. Очевидно, что несмотря на восстания, Николай I и военное командование были в достаточной мере спокойны насчет общего положения в армии. Это видно также по умеренному количеству вопросов о влиянии тайных обществ в войсках.

Как мы установили, расследование было поделено на группы, дела южных и северных декабристов вели группы чиновников под руководством генералов Чернышева и Бенкендорфа, третья группа, не имевшая руководителя, занималась периферийными делами. Очевидно, ряд различий между группами неизбежен из-за разницы между Южным и Северным тайными обществами. Но прослеживается ли качественная разница между работой групп, в тематике допросов, методике, манере ведения расследования? Из всех полученных декабристами за время следствия допросов на дела группы А.Х. Бенкендорфа приходится 493 допроса из 1953 вопросов, 564 допроса из 2780 вопросов - на группу А.И. Чернышева, и 756 допросов из 1226 пунктов - на дела третьей группы. Таким образом, 46,7% всех заданных декабристам вопросов были подготовлены подчиненными А.И. Чернышева, 32,8% - А.Х. Бенкендорфа и 20,6% в третьей группе. В среднем на каждого арестанта в группе Чернышева пришлось по 5,6 допросов, состоявших из 27,8 вопросов; в группе Бенкендорфа - по 5,5 допросов из 21,9 вопросов; в третьей группе - по 6 допросов из 9,7 вопросов. Количество вопросов свидетельствует о том, что подследственным Чернышева пришлось хуже, чем Бенкендорфа, давление следствия на них было более интенсивным. Неодинаковы и итоги следствия: по группе Бенкендорфа из 89 дел приговоры к каторжным работам были вынесены по 30, назначены иные наказания (ссылки, служебные переводы) - по 33, и по 24 делам приняты решения об освобождении с оправдательными аттестатами или со взятием под надзор; а в группе Чернышева из 100 дел приговоры к каторжным работам вынесены по 54, к иным наказаниям - по 32, и по 11 делам решения об освобождении. Таким образом, доля осужденных на каторгу у Бенкендорфа составляла около 30%, у Чернышева - 54%.

Если сравнивать тематику допросов, то в группе Бенкендорфа относительно больше интересовались вопросами о состоянии тайных обществ и их истории, зато центр тяжести в расследовании вопроса о цареубийстве явно находится в группе Чернышева. Третья группа имела вспомогательный характер, занималась маловажными и периферийными делами, разгружая от них группы Чернышева и Бенкендорфа. Половина всех вопросов в третьей группе - о принадлежности разных лиц к тайным обществам.

В работе групп были еще и качественные различия, связанные с разными подходами к организации следствия. Южным декабристам, подследственным группы Чернышева, к первому допросу на заседании Комитета готовили достаточно длинные вопросные пункты из двадцати-тридцати вопросов. Эти вопросники носили, так сказать, "типовой" характер, были схожи между собой, касались всех основных аспектов деятельности общества. При этом вопросы были безадресными - в том смысле, что они были составлены без учета уже известной или предполагаемой роли в тайном обществе данного конкретного арестанта. В группе Бенкендорфа "типовых" вопросных пунктов не составляли. Там допросы были ориентированы на конкретного подозреваемого и исходили из представлений следствия о его вероятной осведомленности. В результате материалы следствия по-разному обрисовывают историю Южного и Северного обществ. Основные аспекты деятельности Южного общества отражены в них более полно и обстоятельно. Исследователь того или иного сюжета может работать с показаниями достаточно широкого круга декабристов, сопоставлять их между собой, наблюдать как распространялась информация внутри общества. А что касается Северного общества, то зачастую оказывается, что по тому или иному сюжету допросили далеко не всех декабристов, которые могли что-то знать, более того, даже не всех, о чей причастности у Комитета имелись прямые показания. Так что историк зачастую вынужден опираться на показания весьма небольшого числа лиц и сталкиваться с лакунами, обусловленными характером допросов.

В группе Чернышева конечный период следствия был отмечен интенсивной работой, тогда как в группе Бенкендорфа основную ее часть завершили до середины марта 1826 г. Бенкендорф действовал по принципу "достаточного минимума": он выяснил, чем являются декабристские общества, установил круг виновных, добыл достаточно материала для обвинения и этим удовлетворился. Чернышев же стремился расследовать дело со всевозможной тщательностью, узнать все досконально, выяснить все детали.

Изучение вопросных пунктов дополняется анализом других видов документов, созданных в ходе следствия - первоначальных допросов, снятых В.В. Левашовым и К.Ф. Толем, показаний, данных декабристами по собственной инициативе, протоколов очных ставок. Для каждого вида документов были разработаны свои принципы количественной обработки с учетом его структуры и особенностей.

Важно не только то, чем следствие интересовалось, но и то, какие стороны жизни тайных обществ оно оставило без внимания. Именно система его предпочтений создает искаженную картину, вольно или невольно для исследователей проявляющуюся и в историографии декабризма. Следственный Комитет был нацелен на то, чтобы получить

материал для составления приговора. Все, что лежало за рамками этой основной задачи, его не интересовало. В то же время, преднамеренного желания раздуть дело у Комитета также не было.

Глава 3 "Допросы декабристов и иные источники информации следствия" содержит сопоставление информационного массива, каковым являлись материалы допросов декабристов, с теми сведениями, которые следствие могло почерпнуть из иных источников.

Материалы допросов значительно превосходят по объему все остальные виды документов, которыми располагал Следственный Комитет - изъятые бумаги, показания свидетелей, доносы. Изъятые у арестованных бумаги играли роль "вещественных доказательств" ("улик"), среди них находились как важнейшие документы - в первую очередь, тексты конституционных проектов - так и масса рукописей и писем, на первых порах принятых за подозрительные, но затем оказавшихся к делу не относящимися.

Важно отметить, что для следствия круг допрашиваемых практически совпадал с кругом подозреваемых. На допросах декабристы в зависимости от вопросов попеременно выступали в ролях обвиняемых и свидетелей. Понятно, что коль скоро речь идет о тайных обществах, то найти свидетелей, которые бы сами к этим обществам не принадлежали, нелегко. Но Комитет не использовал даже наличные возможности, например, в выяснении деталей восстания на Сенатской площади, где события происходили на глазах у массы людей. Более того, из делопроизводства Следственного Комитета явствует, что он не имел формального права просто вызвать кого-либо на допрос; чтобы допросить интересующее лицо, сначала требовалось его арестовать, найдя для того достаточные основания. При необходимости получить показания сторонних делу свидетелей Комитет должен был осуществить весьма громоздкую процедуру. Так, чтобы получить показания офицеров - свидетелей убийства Милорадовича и Стюрлера, Комитет обратился к их непосредственному начальству через Главный штаб. Ответы офицеров были оформлены в виде их рапортов полковым командирам, те представили их в Главный штаб и уже оттуда они были переданы Комитету.

Основную информацию о декабристских обществах Следственный Комитет получил именно в ходе допросов самих декабристов в Петербурге. Вклад прочих источников был относительно невелик. Это подтверждается и изучением поступавшей в Комитет переписки по сохранившемуся в архиве журналу входящих бумаг.

Уровень дознания, юридическая мысль и, в более общем виде, - система представлений той эпохи обуславливали и круг применявшихся следственных действий. Это само по себе представляет интерес для изучения истории формирования в России

правовых понятий и отношений. А для истории декабризма существенно, что Следственный Комитет, благодаря принятой им методике дознания, не пользовался сведениями из источников, сколько-нибудь отстраненных от тайных обществ и отражающих какие-либо сведения, суждения и угол зрения, отличные и от официальной позиции, и от самооценки декабристов.

Глава 4 "Хронология и периодизация следствия" рассматривает, как разворачивалось следствие во времени, шли ли допросы равномерно и размеренно, или были фазы их большей и меньшей интенсивности? Можно ли выявить какие-то периоды внутри процесса расследования? Чтобы получить исчерпывающие ответы о том, как происходило следствие, требуется учесть все допросы, расположить их по датам и вывести общую статистику. Результаты удобнее всего представить в виде графиков, где по одной оси указано количество допросов, по другой - хронологические отрезки, выбранные как шаг измерения. Мы выбрали отрезки, соответствующие семи заседаниям Следственного Комитета.

Нижний ряд данных - количество допросов. Верхний ряд - количество вопросов в них

Номерам хронологических отрезков соответствуют: **1** - 17-23 декабря 1825 г., заседания Комитета №№ 1-7; **2** - 24-30 декабря (заседания № 8-14); **3** - 31 декабря 1825 г. - 6 января 1826 г. (заседания 15-21); **4** - 7-13 января (заседания 22-28); **5** - 14-20 января (заседания 29-35); **6** - 21-27 января (заседания 36-42); **7** - 28 января - 3 февраля (заседания 43-49); **8** - 4-11 февраля (заседания 50-56); **9** - 12-18 февраля (заседания 57-63); **10** - 19-25 февраля (заседания 64-70); **11** - 2-14 марта (заседания 71-77); **12** - 15-22 марта (заседания 78-84); **13** - 23-30 марта (заседания 85-91); **14** - 31 марта - 6 апреля (заседания 92-98); **15** - 7-13 апреля (заседания 99-105); **16** - 14-21 апреля (заседания 106-112); **17** - 22-28 апреля (заседания 113-119); **18** - 29 апреля - 5 мая (заседания 120-126); **19** - 6-12 мая (заседания 127-133); **20** - 13-19 мая (заседания 134-140); **21** - 24 мая - 17 июня (заседания 141-146).

График демонстрирует колебания интенсивности допросов декабристов на протяжении всего следствия. Он построен на основании подсчета всех сохранившихся в следственных делах вопросных пунктов, за исключением тех, что не имеют дат, их

немного - 82 документа (4,5% от общего количества). Таким образом, график основывается на данных 1731 датированных допросов из 5831 вопросов, и две его линии показывают одна - количество допросов, вторая - количество вопросов в них.

На графике видно, что количество допросов плавно нарастало вплоть до середины марта, затем, после резкого падения в промежутке 15-22 марта, последовал новый, уже не столь значительный подъем. Но недостаточно говорить только о допросах - ведь они были очень неравнозначны по объему, вопросные пункты могли включать двадцать-тридцать (а то и больше) вопросов, а могли всего один или два. Поэтому вторая линия графика показывает, как менялось на протяжении следствия количество вопросов, полученных декабристами. Очертания двух линий различны, колебания их не вполне совпадают. Но как могла возникнуть эта разница, если речь идет об одних и тех же вопросных пунктах? Такое могло произойти только если менялась характерная длина вопросников, если на разных промежутках времени они в среднем, в массе своей становились короче или пространнее.

Для всего следствия в среднем на допрос приходится 3,3 вопроса. Для начального периода, с середины декабря до 7 января, среднее количество вопросов в допросе составляет 6, с 7 января до 25 февраля - 4,3, а в дальнейшем - 1,9. В начале следствия вопросники в среднем были длиннее. Самые длинные, в среднем, вопросные пункты были характерны для промежутков 24-30 декабря и 14-20 января. Неудивительно, что именно тогда допросы оказывались более пространными (или составлялось меньше коротких вопросных пунктов). Ведь самым обширным для большинства арестованных, как правило, оказывался первый допрос в Комитете. На конец декабря падает основная масса первых допросов членов Северного общества, а на середину января - привезенных к этому времени в Петербург членов южных тайных обществ. Период в среднем довольно длинных допросов продолжался до 19 февраля, а пик допросов между 19 февраля и 14 марта сопровождался резким, почти вдвое, уменьшением среднего числа вопросов в допросах - значит, в это время декабристы получили множество отдельных вопросов, коротких вопросных пунктов. Стало быть, Комитет приступил к уточнению деталей, выяснению неясностей и противоречий. Затем сделал паузу, необходимую для осмысления полученной информации, после чего с двадцатых чисел марта начал новые серии допросов.

Ближе к концу февраля 1826 г. ввиду нараставшего потока информации члены Комитета, да и сам Николай I, стали искать способы как-то ограничить размеры следствия. Его требовалось скорее завершить по целому ряду политических соображений. В конце февраля Николай I и члены Следственного Комитета сочли, по всей видимости,

что наступает новая фаза следственного процесса. После массы допросов произошло не только информационное насыщение, но и перенасыщение, требовавшее усилий по обработке полученных сведений. Комитет составил себе представление о декабризме и имел достаточно информации, чтобы выбрать наиболее существенное и на нем сосредоточиться. Признанные не опасными бывшие члены Союза Благоденствия были отпущены, прекратились и новые аресты. На первый план в работе следствия все больше выступала задача обработки информации.

Процесс следствия имел два четко выраженных периода, два этапа - до затишья в допросах 15-22 марта и после него. Первая фаза была наиболее насыщена допросами, вторая, по-видимому, имела задачей окончательное выяснение наиболее существенных обстоятельств. Какие эволюции претерпевала при этом тематика допросов? В первой фазе следствия было задано около 70% всех вопросов, во второй, соответственно - около 30%. Поэтому о тех темах, вопросы по которым распределяются примерно в том же соотношении - 70 и 30%, - можно сказать, что они более или менее равномерно присутствовали на всем протяжении следствия, на завершающем этапе интерес к ним не возрастал и не угасал. Это относится к вопросам о восстании 14 декабря в Петербурге, о существовании в России других тайных обществ. В первой части следствия несколько большее внимание было уделено вопросам о причастности сановников, заграничных связях декабристских обществ, о польских тайных обществах, а также о республиканских планах и конституционных проектах. Некоторые темы в большей мере сосредоточены в первом периоде: состояние тайных обществ, вступление в общество допрашиваемого, контакты между Обществом Соединенных Славян и Южным обществом. Видимо, Комитет вполне удовлетворился полученной информацией и в дальнейшем к этим проблемам почти не возвращался. Другие темы не только сохранили актуальность во второй фазе расследования, но и выдвинулись в приоритетные, хотя их удельный вес возрос главным образом за счет сокращения вопросов по тем проблемам, которыми Комитет больше занимался в начале следствия. Так, во втором периоде заметно внимание следствия к вопросам об участии разных лиц в декабристских обществах и о виновности отдельных лиц, 45% от их общего количества было задано во второй фазе следствия. Темы, ставшие приоритетными на заключительной фазе следствия, образуют характерную, логично взаимосвязанную группу: умысел на цареубийство, планы выступлений, войска, на которые рассчитывали декабристы, восстание Черниговского полка. Комитет сузил круг тем, сосредоточившись на том, что считал важным и что являлось основным при формулировании обвинения. Данные о количестве вопросов

позволяют проследить также и то, как происходило и какие эволюции претерпело на протяжении следствия расследование по каждой теме.

Ближе к завершению следствия настала пора очных ставок. Их количество стало нарастать после 2 марта, вслед за окончанием периода массовых допросов. Пика своего очные ставки достигли 14 апреля - 5 мая. А это значит, что с середины апреля среди задач следствия на первый план выдвинулось окончательное согласование, приведение в ясность полученных ранее сведений, причем не всех, а отобранных в качестве наиболее значимых.

В группах Чернышева, Бенкендорфа и третьей, без руководителя, следственный процесс имел свои особенности, протекал на свой лад. В группе Бенкендорфа первая фаза допросов была более интенсивной, чем в других группах, пик пришелся на 2-14 марта, причем пик этот очень компактный, "острый". В группе Чернышева, напротив, количество допросов на первом этапе было невелико, пиковый рост пришелся на 19-25 февраля (по абсолютному количеству допросов он превысил максимальный уровень, достигавшийся в группе Бенкендорфа) и продолжился, хотя и с некоторым понижением, 2-14 марта. Спад 15-22 марта здесь был не таким глубоким, как в группе Бенкендорфа, за ним последовал новый подъем, причем заключительный период следствия в группе Чернышева отмечен значительно большей активностью, нежели в группе Бенкендорфа.

В целом для группы, руководимой А.Х. Бенкендорфом, характерны не очень длинные вопросные пункты, величина их на первом этапе следствия, до 22 марта, в среднем составляла 4,4 вопроса, на втором этапе снизилась до 2,9 и на протяжении всего следствия не была подвержена особо сильным колебаниям. Динамика допросов (как и вопросов) в этой следственной группе выглядит ритмично, примерно через каждые три десятка заседаний Комитета здесь следовало снижение интенсивности допросов, связанное, вероятно, с необходимостью проанализировать полученную информацию и подготовить новую серию вопросных пунктов. Основной объем расследования был сделан за первый период следствия, когда в группе Бенкендорфа было проведено 71,5% всех допросов и задано 78,8% всех вопросов.

Деятельность группы под руководством А.И. Чернышева выглядит по-другому. Колебания линий графиков не отличаются ритмичностью, в отличие от группы Бенкендорфа, а очертания кривых заметно разнятся между собой, поскольку среднее число вопросов в допросах, готовившихся в группе Чернышева, изменялось значительно, а иногда и резко. В группе Чернышева использовались гораздо более пространственные вопросные пункты, их средняя длина вплоть до 18 февраля держалась на уровне 10-13,7 вопросов, позднее они стали не столь объемными. На первом этапе следствия, до 22

марта, в группе Чернышева допросы состояли в среднем из 6,3 вопросов, во второй фазе - из 3,4 вопросов. Вторая половина следствия, после 22 марта, была достаточно интенсивной, на нее приходится 47,3% допросов и 32,6% вопросов. Следственная активность группы Чернышева на завершающем этапе была заметно выше, нежели в группе Бенкендорфа. Следствие в группе под руководством Чернышева характеризуется более пространными вопросными пунктами, сохранением интенсивности допросов до самого конца следствия, а также отсутствием выраженной ритмичности в работе. Здесь не готовили, как в группе Бенкендорфа, серий допросов с паузами между ними. Допросы производились практически без перерывов.

Глава 5 "Декабристская мемуаристика о следствии" содержит сопоставление корпуса декабристских мемуаров, описывающих следствие, со следственными материалами. Возможность взаимно проверить сведения из разных типов источников позволяет не только скорректировать каждый из них, но и расширить возможности исследования, дополнить один источник другим, создает некую стереоскопичность видения. Сверив воспоминания декабристов с материалами следствия, мы получаем возможность судить об особенностях каждого из декабристов-мемуаристов и учитывать полученные наблюдения при работе со всем текстом записок, а не только с фрагментом, касающемся следствия. Такое расширение исследовательского инструментария полезно, учитывая непреходящую ценность декабристских текстов. В работе проанализированы рассказы о следствии С.П. Трубецкого, М.А. Бестужева, А.Е. Розена, Н.В. Басаргина, А.П. Беляева, А.С. Гангелова, Д.И. Завалишина, Н.И. Лорера, И.Д. Якушкина.

Не все авторы мемуаров затрагивают следствие. Записки С.Г. Волконского обрываются на начале сцены первого допроса. Е.П. Оболенский, Н.Р. Цебриков, А.В. Поджио вспоминали о заключении в Петропавловской крепости, но не о допросах. Невнимание мемуаристов к теме следствия отчасти объясняется господствовавшей литературной традицией романтизма, не причислявшей эту тему к числу увлекательных. Но у декабристов были и иные причины ее избегать.

Для декабристов в пору написания мемуаров, т.е. в сибирской ссылке и после нее, следствие было больной и трудной темой, в их рассказах есть умолчания, стремление смягчить события, объяснить их неправыми действиями власти. Декабристам нужно было найти способ ужиться вместе в длительном заключении, каким-то образом преодолеть взаимные обиды, ведь на следствии они давали друг против друга показания. Много обсуждая свои допросы, декабристы создали некую общую версию событий, в которой воспоминания сплелись со стремлением оправдать себя и товарищей, выяснить истину, противопоставить официальной пропаганде свое знание о сущности декабризма и о суде

над участниками движения. Изобличение недобросовестности Следственного Комитета является центральной темой большинства воспоминаний. Некоторые из мемуаристов рассказ о следствии свели к изложению этой общей сибирской версии, своего рода коллективного предания, а собственные, непосредственные воспоминания сочли чем-то менее интересным, менее существенным. Это можно сказать о воспоминаниях и мемуарных вкраплениях в статьи В.И. Штейнгейля, А.М. Муравьева, М.С. Лунина, М.А. Фонвизина. Сказанное отнюдь не умаляет значения их как ценнейшего исторического источника. Сам факт существования сибирской версии событий - очень интересен, важен и требует осмысления. Анализ ее позволяет лучше понять, что знали и думали декабристы о своем процессе.

Заключение подводит итоги данного исследования. Пояснив цели и мотивы, логику действия следствия, особенности его организации, документального оформления, проследив, как происходили допросы декабристов и какие вопросы преимущественно интересовали Следственный Комитет, мы можем утверждать, что методы проведения допросов и их преобладающая тематика существенно повлияли на то, какую информацию можно найти в показаниях декабристов. Образ тайных обществ декабристов, предстающий из архива следствия, несет на себе отпечаток целей и задач, стоявших перед Следственным Комитетом по делу декабристов. Для дальнейших декабристских исследований важными представляются выводы, что следствие имело два периода, различных по количеству, интенсивности и характеру допросов, а также что расследование в отношении южных и северных декабристов велось разными группами чиновников, и в приемах и методах их работы заметна ощутимая разница. В результате этого следствие неодинаково освещает декабристские общества.

Изучая материалы следствия, мы видим декабристские общества такими, какими их увидел Следственный Комитет. Не в силу преднамеренной политической фальсификации, а потому, что следствие имело свои цели, далеко не совпадающие с задачами современного исследователя. Следственный Комитет действовал прагматично и практично. Он должен был определить степень опасности декабризма для режима и собрать материал для обвинения. Поэтому Следственный Комитет выяснял реальную силу тайных обществ, их персональный состав, обстоятельства восстаний, меру вины каждого из декабристов, а главным и тягчайшим пунктом обвинения считал намерение царубийства. Все остальное, и как раз то, что для историка представляет наибольшую ценность, Следственный Комитет интересовало мало, поэтому сведения об идейной стороне, об интеллектуальной истории декабризма в материалах следствия присутствуют по большей мере случайно, а роль замысла царубийства сильно преувеличена и не

соответствует реальному его месту в декабристских спорах. Вместе с тем, историк может быть уверен: следствие достаточно тщательно выявило всех членов тайных обществ, никто из действительно к ним причастных не был оставлен без внимания. Следственному Комитету удалось добиться от декабристов признаний и показаний обо всем, что ему, Комитету, представлялось существенным. Но сам характер его интересов привел к искажениям относительной значимости тех или иных сюжетов для истории декабризма. Та картина, которую нам рисуют материалы следствия, является самописанием декабристов, преломленным во-первых их манерой защиты перед правительством, и во-вторых, характером интересов Следственного Комитета, выраженных в вопросных пунктах.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Эдельман О.В. Воспоминания декабристов о следствии как исторический источник // Отечественная история. 1995. № 6. С. 34-44 (журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК)
2. Эдельман О.В. К 180-летию восстания декабристов [информация о юбилейной научной конференции, организованной ГА РФ и Государственным историческим музеем, 30 ноября 2005] // Отечественные архивы. 2006. № 1. С. 113 (журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК).
3. Восстание декабристов. Документы. Т. XIX. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии / Под ред. В.П. Козлова, С.В. Мироненко. Сост. К.Г. Ляшенко, О.В. Эдельман. Москва: РОССПЭН, 2001. 528 с.
4. Восстание декабристов. Документы. Т. XXI. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии / Под ред. С.В. Мироненко. Сост. О.В. Эдельман. (В печати).
5. Россия: выбор пути. К 175-летию восстания декабристов. Каталог выставки / Сост. М.Н. Силаева, О.В. Эдельман. Науч. ред. С.В. Мироненко. Москва, 2000. 66 с.
6. Эдельман О.В. Количественный анализ материалов следствия над декабристами // Информационный бюллетень ассоциации "История и компьютер", № 17, март 1996 г.: Специальный выпуск бюллетеня. Тезисы докладов и сообщений IV конференции ассоциации "История и компьютер" (Звенигород, 15-17 марта 1996 г.) Москва, 1996. С. 131-132.
7. Эдельман О.В. Роль личных конфликтов в складывании кризиса Южного общества декабристов (1825) // Россия и реформы. Сборник статей. Вып. 4. / Сост. Н.В. Самовер. М., 1997. С. 19-38.

8. Эдельман О.В. Из истории Каменской управы Южного общества декабристов // Крайности истории и крайности историков. Сборник статей. К 60-летию профессора А.П. Ненарокова. Москва: Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 1997. С. 253-261.
9. Эдельман О.В. Следственный Комитет по делу декабристов: организация деятельности // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 2. С.-Петербург-Кишинев: "Нестор", 2000. С. 209-235.
10. Эдельман О.В. Квантитативный подход к изучению материалов следствия над декабристами // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 4. С.-Петербург-Кишинев: "Nestor-Historia", 2001. С. 51-60.
11. Эдельман О.В. Декабристы на допросах: опыт количественной характеристики // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 4. С.-Петербург-Кишинев: "Nestor-Historia", 2001. С. 333-362.
12. Эдельман О.В. О семинаре "Декабристы. 175 лет спустя: итоги и перспективы изучения истории движения декабристов" (Москва, Государственный архив РФ, 26 декабря 2000 г.) // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 4. С.-Петербург-Кишинев: "Nestor-Historia", 2001. С. 13-24.
13. Следственное дело А.Н. Раевского и Н.Н. Раевского. Вступительная статья, публикация и примечания О.В. Эдельман // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 6. С.-Петербург-Кишинев: Издательство "Нестор-История" СПб ИИ РАН, 2004. С. 78-98.